

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВИКТОРА ПЕПЕЛЯЕВА

В пять часов морозного утра 7 февраля 1920 года в Иркутске, на берегу реки Ушаковки, исполнители отряда воеводы в Ангару, по постановлению горвоенревкома были расстреляны. Верховный правитель России адмирал Колчак и председатель Совмина Сибирского правительства Пепеляев. Была перевернута еще одна страница гражданской войны.

В отличие от Колчака, которому в исторической науке и публицистике уделено немало внимания, фигура Пепеляева малозвестна. Что заставляет нас обратиться к этой исторической личности, восстановить основные вехи его жизни и деятельности не только во время гражданской войны, но и в более ранний период.

Виктор Николаевич Пепеляев родился в городе Нарыме Томской губернии в семье офицера. Его отец дослужился до чина генерал-лейтенанта, начальника 8-й Сибирской стрелковой дивизии и погиб во время первой мировой войны. Младший брат Анатолий (15.08.1891 – 14.01.1938) также выдвинулся кадровым военным и отличился на фронтах первой мировой войны. Был награжден орденами святых Георгия, Владимира, Анны и Станислава, а также Георгиевским оружием. Принимал активное участие в гражданской войне на стороне антибольшевистских сил.

Детство и юность Виктор Пепеляев провел в Томске. Здесь окончил гимназию, а затем юридический факультет Томского университета (1908), получил диплом 1 степени. Уже в университете проявилась его склонность к общественной деятельности. Начиная с претового курса, Виктор избирался старостой. По словам лиц, хорошо его знавших в этот период, он придерживался прогрессивных взглядов, пользовался авторитетом в студенческой среде и был известен как человек историчный в решениях, но решительный в действиях. Особенно истерично он относился к неискренности и карьеризму.

После окончания университета Пепеляев некоторое время работал помощником присяжного поверенного в Томском окружном суде. Однако эта работа его не удовлетворяла и, став дополнительные элементы

за истфак, он в 1909-м перешел на службу в Министерство народного просвещения в качестве учителя истории Байской Николаевской женской гимназии, а также преподавал историю в мужской гимназии. Именно у Пепеляева учился крупный советский историк-сибиревед, член-корреспондент АН СССР В. Шунков.

Судя по сохранившимся архивным документам, Пепеляев зарекомендовал себя талантливым педагогом и воспитателем. В отчете почетному Западно-Сибирского учебного округа за 1911/12-й учебный год директор гимназии характеризовал молодого учителя: «Прекрасно знал свой предмет, Пепеляев сумел сразу поставить преподавание на должную высоту, включая учащимся материал в виде живого рассказа, добавлял иллюстрации в учебные сведения новыми сведениями, почерпнутыми из новейших серьезных источников. Как воспитатель, Пепеляев относился очень внимательно к нуждам порученных ему, как классному наставнику, учащихся 2-го класса, постоянно был между своими учениками, беседовал с их родителями и прочее. Знал с. Пепеляев уже третий год, могу смело утверждать, что он по своим исключительным педагогическим способностям выделяется из среды других педагогов» [1].

Молодой энергичный педагог принимал самое живое участие в общественной жизни города. Он являлся одним из наиболее активных членов местного Общества поощрения о начального образования, занимаю в 11–12-м годах пост председателя правления. Был членом байского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, сотрудничал с городской газетой «Алтай», публиковал в ней очерки на исторические темы. За свой сравнительно небольшой период жизни в Байске (1909–1912) он завоевал авторитет у жителей и оставил о себе добрую память.

Октябрь 12-го Пепеляев был избран депутатом IV Государь от Томской губернии. Являясь сторонником либеральных взглядов, в Думе он примкнул к партии кадетов и вошел в сибирскую парламентскую группу. Работал в комиссиях по направлению законодательных предположений и народного образования.

Несколько раз выступал с речами в Думе.

Занимаясь проблемами воссоединения политики, Пепеляев не забывал о насущных проблемах Сибири. Используя права и возможности депутата Государь, он оказал большую помощь горожанам Заречной части Байска в их многолетней борьбе с Кабинетом по земельному вопросу. Таким же подспорьем была им оказана алтайцам, проживающим в районе сел Белый и Черный Агуй.

Характерным свидетельством постоянного интереса к сибирским делам и проблемам развития в крае народного образования были его хлопоты о постройке для Байской гимназии собственного здания. В телеграмме на имя директора гимназии он информировал, что ассигновки на строительство Байской гимназии будут выделены в 15-м году [6].

Летом 13-го Пепеляев приехал на Алтай и выступил с губернскими отчетами о своей депутатской деятельности перед жителями Байска, Камня и Кузнецка. В 14-м он приехал на открытие Народного дома в село Старый Бард, который был построен местными кооперативами.

В начале первой мировой войны депутат Пепеляев возглавлял 3-й Сибирский санитарный отряд Восточного Сибирского Союза городов и в первом между думскими сессиями находился на фронте в питательном отряде. Февральскую революцию он встретил в Петрограде. 28 февраля вместе с другими депутатами Государь выехал приветствовать вступающих из пригородов в столицу для помощи революции воинские части. Вместе с Таскиными был послан Временным Комитетом Государь в Арсенал, где с помощью вооруженного отряда им удалось предотвратить разгрузку оружия рабочим. Затем был назначен комиссаром Временного Комитета в Петроградском грядничестве.

В марте 17-го Пепеляев был направлен комиссаром Временного правительства в Кронштадт. Настроение балтийских матросов в то время было весьма решительным, и они расправлялись с каждым наступавшим им начальником. Но Пепеляев действовал добрейшим образом. Ему удалось добиться освобождения части арестованных офицеров, и он настаивал на аресте и предании суду

напроект, сохранивших самосуд. Также он заявил о необходимости ликвидации Кроунштадтского Совета, в результате чего сам был арестован и брошен в каземат, где провел две недели. 16 мая Совет рассмотрел вопрос «О комиссаре Пеллевице» и постановил урезать должность комиссара Временного правительства. Член ЦК кадетской организации Кроль говорил о Пеллевице: «Правильно до этого, он вышел из Кроунштадта арестованным» [7].

Летом 17-го Пеллевице некоторое время вел агитационную работу за войну до победы среди солдат и матросов в кадетском «военном клубе» Петрограда как председатель городского военного комитета ЦК партии кадетов. С июля Пеллевице вновь находился на фронте. Какую конкретную выступления он выступил добровольцем в 8-й Сибирский мотырный дивизион, воюющий в оккупной войне, на которые собирались ополечиться Керенлы.

Октябрьскую революцию Пеллевице не принял и вскоре оказался в первых рядах того общественного движения, которое поставило перед собой цель борьбы с большевиками до конца. По поручению ЦК кадетов он вел работу по созданию повстанческих подпольных групп из конюхов, офицеров, буржуазной молодежи. Весной 18-го вошёл в московский Национальный центр и в Союз возрождения России.

Летом 18-го по поручению Национального центра и ЦК кадетов Виктор Николаевич был отправлен в Сибирь, где сразу же активно включился в политическую жизнь. Являлся членом созданного в октябре 18-го в Омске Восточного бюро ЦК партии кадетов, а с 9 ноября — председателем Президиума ее Восточного отдела.

С первых дней пребывания в Сибири Пеллевице являлся противником образования широковещательского Временного Всероссийского правительства — Директории. В Челябинске в беседе с Кролем он говорил: «ЦК совершенно определенно встал на точку зрения, что вне диктатуры никакого выхода нет и что в этом направлении должны быть направлены все усилия» [8].

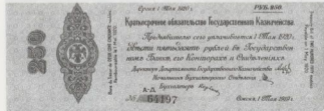
Осенью 18-го Пеллевице совершил обыск всех крупнейших сибирских городов, инструктируя по пути кадетские парткомы и подготавливая переворот в пользу Колчака. 13 ноября на партиконференции он призывал к установлению военной диктатуры. А уже вечером 18 ноября (как один из организаторов колчаковского переворота) предложил конференции приветствовать новую власть. В декабре 18-го он вышел из кадетской партии.

В правительстве Колчака Пеллевице занимал важные посты: директора департамента милиции и государственной охраны, товарища министра внутренних дел. С июля 19-го он — министр внутренних дел и член Совета Верховного правителя. Но его политическая карьера в Сибири оказалась недолгой. Работы под Загустовом армян Колчака стоили в июле 19-го в район Челябинска, где их ждало новое правительство из состоявшей 5-й Красной армии. Военные действия переносились теперь на территорию Сибири, значительная часть населения которой к тому времени была настроена против политики Колчака.

Следует отметить, что, будучи опытным военачальником, Колчака был весьма слабым политиком. В известном афоризме, приписываемом Наполеону Бонапарту, говорится: «Войны — слишком серьезное

дело, чтобы его доверить военному». Как и большинство русских офицеров, традиционно сторонившихся политических вопросов, адмирал считал, что главной задачей является наведение «порядка», причем этот «порядок» в его понимании заключался в восстановлении старой России и должен был основываться на жесткой дисциплине, неукоснительном выполнении приказов и тому подобно.

Однако, Колчаку не удавалось навести порядок даже в рядах своих союзников. Многие из его подчиненных действовали по своему усмотрению и не стремились исполнять распоряжений Верховного правителя. Позже, во время допроса в Иркутске, говоря о причинах постоянных трений, возникших с военными соединениями атамана Семёнова, Колчак сказал: «Я думаю, что они лежали в характере русских людей, совершенно утраченных в это время всяком понятии о дисциплине. «Никому не удалось подчиниться, кроме самого себя», — поэтому каждое распоряжение, которое давал какой-нибудь начальник, всегда резко критиковалось, считалось, что оно бессмысленно, и возбуждалось бессмысленные жалобы на то, что нас, мол, заставляют драться, а своих берут, и т. д. Вот это все привнесло в порядок и заставило их объединиться была моя задача, чтобы подчинить их одной власти» [9]. Справедливости ради следует отметить, что в Красной армии положение было некуда не лучше. Известно, какими драконовскими мерами действовал Революционный Совет Советской республики во главе с Троцким. Провозгласив левую сторону «революционной целесообразности», большевики также широко практиковали расстрелы дезертиров, не переносив и в граждан-

ким населением, особенно из числа «бывших», создавали концентрационные лагеря, использовали вагонные вагоны. Гражданская война изменила многие привычные понятия, и методы борьбы, практиковавшиеся как «белыми», так и «красными», мало в чем отличались.

К осени 19-го существование организованного белого движения в Сибири стало весьма проблематичным. Разговоры о том, что пост председателя правительства может занять Пепеляев, начались еще за месяц до его назначения. Сам Виктор Николаевич писал в дневнике, что он хотел бы на пост премьер-министра «только по призыванию» [10]. Тем не менее, 23 ноября Пепеляев занял пост премьер-министра Омского правительства. Вряд ли он руководствовался в своем решении карьерными соображениями, поскольку в сложившихся условиях перспективы белого движения в Сибири стремительно уменьшались. Скорее всего Пепеляев надеялся, что пост премьер-министра позволит ему переломить политическую обстановку путем расширения социальной базы режима и привлечения к сотрудничеству руководителей сибирских земель и городских органов самоуправления. Возможно, эта мысль оцептела у него после бесед с младшим братом Анатолием, который разделял взгляды озерно-демократизации власти.

В дневнике Виктора Пепеляева есть запись от 23 июля 19-го года, в которой он описывает свой разговор с братом Анатолием. Генерал Пепеляев видел единственную возможность дальнейшего существования боеспособной белой армии в том, чтобы народ в лице «омского собора» выразил ей доверие. Старший брат весьма скептически отнесся к этой идее, сказав, что «голос народа получить не так просто». Надо сказать, что вопрос о создании широкого добровольческого движения был в 1919-м весьма популярным. В то же время Виктор Николаевич отмечал, что правительство практически не интересовалось этим вопросом, поскольку Верховный правитель и его министры в большей степени рассчитывали не на собственные силы, а на помощь в лице — от англичан, японцев и американцев.

Колчак, будучи морским офицером, по своим политическим симпатиям являлся англоманом, поэтому внимательно прислушивался к рекомендациям иностранных (преимущественно английских) эмисса-

ров. В дневнике Виктор Пепеляев писал, что в сентябре 19-го он встретился с генералом Ноксом, который получил инструкции от Черчилля всеми силами поддерживать Верховного правителя. Однако, несмотря на заверения американского, английского и японского правительств, никакой серьезной помощи к концу 19-го правительству Колчака оказано не было.

Именно поэтому идея Земского собора, правительства «общественного доверия» была воспринята и Виктором Пепеляевым. Один из советских исследователей отмечал, что «Пепеляев мечтал применить колчаковское правительство с мелкобуржуазной «общественностью» в лице руководителей земель и городских дум Сибири. С этой целью он готов был пожертвовать даже Колчаком, заменив его своим братом, генералом Пепеляевым, на войска которого он рассчитывал опереться в случае утери Колчака в вопросе об успешной «общественности» [11]. Нам представляется, что это утверждение, появившееся уже в 1925-м, продиктовано идеологическими соображениями и здесь права переименуем в вымысел. Стремление Пепеляева расширить социальную базу белого движения вполне понятно и совмещенный же

вызывает. Что же касается утверждения о готовности «поддерживать Колчаком», то оно представляло явным стремлением выставить Пепеляева в независящем свете, усомниться в его моральных и политических убеждениях и тем самым идеологически дискредитировать все белое движение. Все подобные «версии», имеющие ярко выраженный тенденциозный характер, плохо согласуются с фактами. А факты таковы: Пепеляев остался с Колчаком до конца и разделял его судьбу.

В то же время Пепеляев принимал отчаянные попытки создания правительства «общественного доверия», но они оказались бесплодными. На неофициальной встрече с жителями из Политцентра он заявил, что намерен ликвидировать военный режим, перейти к «новому гражданскому управлению», но получил ответ, что для доверия новому правительству «нужно устранить все виновных в создании диктатуры и ее законов, и прежде всего одного человека — Вас, Виктор Николаевич» [12].

К концу 19-го положение Колчака и его правительства стало просто отчаянным. От него отвернулись практически все бывшие сторонники. Важную роль в этом сыграл категорический отказ адмирала пере-

Рис. А. Любавин

дать остаток золотого запаса России в руки союзников. Как утверждали, Колчак заявил, что скорее передаст золото большевикам, чем союзникам. 26 декабря 19-го года после с Колчаком и Петельским был задержан по призыву союзников и конт под охрану швейцарских полицаев. 15 января 1920 года на станции Новокузнецкой недалеко от Иркутска они были переданы белоглавыми жеро-меньшевистскому Политцентру и везены на свободное продвижение во Владивосток.

Таким образом, предательство союзников фактически поставило крест не только на политической карьере Колчака и Петельева, но и на их жизни. Политцентр 21 января составил свои полномочия и передал власть Иркутскому Военно-революционному комитету [13]. В этот же день Чрезвычайная следственная комиссия начала допросы Колчака и членов его правительства с тем, чтобы впоследствии отправить их в Москву для суда. По свидетельству заместителя председателя Иркутской ЧК Попова, следственная комиссия «... решила дать путем этого допроса историю не только своей колчаковщины в показании ее верховного главно, но и автобиографию своего Колчака, чтобы позже образовать этого «руководителя контрреволюционного выступления на молотку Советскую республику. Замысел был правильный, но что впоследствии доведено до конца не было» [14].

Несмотря на утверждения о «единодушной» поддержке большевиков в борьбе с Колчаком, ситуация была отнюдь не однозначной. К Иркутску донимались колчаковские сообщения под командованием генерал-лейтенанта Войцеховского, предвещавшие уничтожить местных властей о выдаче Колчака и премьер-министра Петельева. По улицам разбрасывались портреты верховного правителя и прокламации, призывавшие к выступлению против большевиков. По свидетельству ВРК, в городе существовала «тайная организация, ставшая своей целью освобождение одного из тайных преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников» [15].

В этих условиях было уже не до суда над Колчаком. Но время последнего допроса адмирала 6 февраля, «... когда расстрел Колчака, по существу говоря, был уже решен... первоначали и сами допрашиваю-

щие. Первоначали и спецнап. Нужно было... дать несколько зафиксированных допросов врагов провоздвигной этой диктатуры в ее борьбе со своими противниками только революционного, но и право-социалистического лагеря — лагеря тех, кто эту диктатуру подготовил. Это... сделать удалось, но удалось в очень скромном виде» [16].

В «сломанном виде» проникли и расстрел. По свидетельству военного команданта Иркутска Бурсака, в два часа ночи он и председатель губчека Чудновской воли в камеры к Колчаку и Петельеву и читали постановление ревкома о расстреле, а уже в пять часов «специальная команда из коммунистов», возглавляемая Бурсаком и Чудновским, отпустила тела верховного правителя и премьер-министра в проуру...

Таким образом, Виктор Николаевич Петельев за свои 35-небольшим лет сумел пройти весьма насыщенный и, в то же время тернистый путь. В императорской России его ждала бы блестящая наука и политическая карьера, общественное признание и, вероятно, спокойная обеспеченная старость. Однако судьба распорядилась иначе. Вурный взломатор революционных событий бросил Петельева в самый центр ожесточенной борьбы, заставив поставить на карту все — вплоть до собственной жизни. Он вошел в ближайшее окружение Верховного правителя Колчака, при этом оставшись как бы в его тени. Если в настоящее время личность Колчака провоздвигается, а сам он предстает в образе последнего русского рыцаря, то его сподвижники по-прежнему рисуются политиками-неудачниками и не более чем жертвами обстоятельств. Что касается Виктора Петельева, то существует версия, основанная на свидетельстве одного из его палачей, тогдашнего военного команданта Иркутска Бурсака о том, что после объявления решения ревкома Виктору Николаевичу намеки самоубийства и он «умолил, чтобы его не расстреливали» [17]. Не будем морализировать по этому поводу. Мертвые сразу не встут. Виктор Петельев имел убеждения и за эти убеждения заплатил жизнью.

*Александр Сварцев,
Михаил Туман.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центр хранения архивных фондов Алтайского края (здесь и далее — ЦХАФАРК). Ф. 179. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.
2. Там же. Д. 157. Л. 27.
3. Там же. Д. 10—10 об.
4. Там же. Д. 14. Л. 15.
5. Там же. Д. 15 об.
6. Там же. Д. 157. Л. 17.
7. Думова Н. Г. Календарь контрреволюции и ее разгром (октябрь 1917 — 1920 гг.). М., 1982. С. 171.
8. Там же. С. 170.
9. Арестант палаты камеры. М., 1990. С. 354.
10. Петельев В. Н. Из дневника (1 июля — 31 октября 1919 г.), текст дневника воспроизводится по машинописной копии, составленной в Иркутске в 1920 г. и хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, фонд 195, ВД 1—1а) // Красный архив. 1926. Т. 6 (31). Извлечения из дневника В. Н. Петельева частично были опубликованы в журнале «Красные Зори» (№ 4-5), издававшемся в Иркутске в 1923 г. (начало записей — по 29 июля 1919 г.). Дальнейшие записи, за прекращением этого издания, в печати не появились.
11. Арестант палаты камеры... М., 1990. С. 464.
12. Думова Н. Г. Указ. соч. С. 323.
13. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 464.
14. Арестант палаты камеры. М., 1990. С. 235—236.
15. Там же. С. 225.
16. Там же. С. 236—237.
17. Там же. С. 227.

Александр Владимирович Сварцев родился в 36-м. Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета. Автор свыше 200 статей, монографий, учебных пособий по истории Сибири и Алтая. Живет в Барнауле.

Михаил Олегович Туман, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Барнаульского юридического института МВД РФ. Родился в 74-м. Автор ряда научных трудов по истории Сибири и Алтая, соавтор учебника по истории Барнаула для средних школ. Живет в Барнауле.